

тельными», чем достижения в области пролетарского романа. Такого рода заявления для каждого мало-мальски знакомого с пролетарской литературой Германии, звучат просто смешотворно.

Идея рассматриваемых П. С. Коганом произведений понята им с такой «проницательностью», что, например, в «Розенгофштрассе» Бредела он не заметил... борьбы против фашизма, составляющей основное содержание книги, а содержанием «Машиностроительного завода» считает «предательскую деятельность профсоюзных бюрократов и социал-демократов», а не работу и борьбу ячейки КПГ. Вульгарной дефовщиной отдает утверждение П. С. Когана, что

«пролетарскому драматургу нечего прибавлять к фактам, потому что жизнь по своей красочности превосходит поэмы...»

Грубейшей правооппортунистической ошибкой является его оценка германской буржуазной литературы.

«При высоких формальных достижениях германская литература поражает убожеством своей тематики...
...Эта литература не является больше общественной силой».

Такая оценка ведет лишь к притуплению классово-бдительности по отношению к богатой и боевой литературе германского фашизма и социал-фашизма.

Пролетарская литература, по мнению П. С. Когана, «разрушает старую тематику». Классовая борьба в литературе воспринимается им как тематическое различие; о такой «мелочи», как борьба противоположных мировоззрений, он считает излишним упомянуть.

Мы ограничиваемся обзором рецензий, посвященных четырем упомянутым литературам, так как они занимают преобладающее место в литературно-художественном отделе «Иностранной книги».

Каковы же выводы?

Выводы очевидны. «Иностранная книга» должна, если она не в состоянии сплотить вокруг себя марксистских критиков, знакомых с зарубежной литературой, самым срочным порядком ликвидировать отдел «Художественной литературы» и отдел смехотворных и вредных аннотаций по этой литературе. В противном случае она должна немедленно отказаться от услуг упражняющихся на ее страницах буржуазных критиков, эклектиков и путаников и постараться давать меньше рецензий и «аннотаций», но зато поручать их грамотным марксистским критикам. Во всяком случае, вместо того, чтобы перепечатывать свои же безграмотные аннотации из номера в номер, лучше перепечатывать серьезные рецензии и обзоры по вопросам зарубежной литературы из других литературных пролетарских журналов, советских и иностранных.

Мы ограничиваемся только областью художественной литературы, но мы полагаем, что было бы не безынтересно заняться внимательнее и отделом «Социально-экономической литературы». Это позволило бы нам отдать себе

отчет в общей физиономии этого журнала, способного, несмотря на свой небольшой тираж, принести большой вред и большую путаницу.

Бригада МОРП

«Да, но Москва...»¹

Третий, решающий год пятилетки, «год великого перелома» (Сталин), был годом великого перелома в отношении мировой буржуазной печати к СССР, вернее—в методах борьбы этой печати против СССР. Заговор молчания о достижениях СССР, клевета на советский строй, бредни о «зверствах большевиков»—все эти битые козыри в одно прекрасное время были выброшены в мусорный ящик. Буржуазная печать наподобие иерихонской трубы 13 лет без устали трубила у стен СССР, прикрывая своим языком те более реальные меры, которые предпринимали в это время генштабы империалистических держав, чтобы заставить рухнуть непокорные стены. Стены не только не рухнули, но, наоборот, вздыбились над всем капиталистическим миром лесами небывалой в истории стройки — стройки социализма. Иерихонская труба открытой клеветы оказалась несостоятельным инструментом. Осознав это, мировая буржуазия с ловкостью фокусника заменила ее новым инструментом, более тонким. Небезынтересно отметить, что одним из протечей этой перемены курса, одним из первых разведчиков мировой буржуазии, побывавшим в пролетарском государстве и по возвращении сигнализировавшим своему классу необходимость резкой перемены методов борьбы с СССР, был не кто иной, как известный писатель-гуманист,—всегда открещивающийся от всякой «политики» и проповедывавший идеалы бесклассового «человечества»,—Жорж Дюамель. Дюамель в 1925 году побывал в СССР и после возвращения во Францию выпустил книжку «Путешествие в Москву». После клеветнической, бульварной книжки Бери («Что я видел в Москве»), книга Дюамеля была принята как дружеский документ, поскольку она одна из первых показывала всю несостоятельность бредней об одичании и варварстве и призывала «беспристрастно» изучать советскую действительность. Рассматривая эту книгу с точки зрения сегодняшнего дня, мы находим в ней готовую программу тех новых, более тонких методов борьбы с СССР, которые пять лет спустя разработали и усовершенствовали идеологи мирового социал-фашизма.

Идея книжки сводится в общих чертах к следующему: советский строй не хуже буржуазного, а во многих отношениях даже лучше—есть чему поучиться, советское государство организованнее, и во главе его стоят разумные правители. Но достижения этого строя вполне осуществимы и в рамках буржуазного государства, лишь бы во главе его стояли столь же разумные правители. Иными словами, Дюамель отрицает социалистический характер советского строительства.

Для русского народа пролетарская революция сыграла положительную роль («Громадное большинство русского народа получило от революции выгоды, которые оно хочет сохранить и защищать»). Но она была необходима и неизбежна только в России; она, как и советский строй, есть явление чисто русское, и более культурные «демократические» народы могут добиться тех же результатов без революции, путем разумных реформ, предпринятых разумными правителями. Если это не будет сделано, коммунизм может угрожать и этим «цивилизованным и демократическим» государствам.

Под этой программой, как видите, может свободно подписаться и Отто Бауэр и все иже с ним. Не хватает здесь одного: «принудительного труда», так как Дюамель посетил СССР не в реконструктивный период, а в восстановительный, когда сказка о «принудительном труде», понадобившаяся через несколько лет, была еще не актуальной. В этом отношении его пополнили нынешние идеологи социал-фашизма.

Успехи социалистического строительства и победное выполнение пятилетки в ряде областей в 2 и 2½ года убедили мировую буржуазию в правоте Дюамеля и подобных ему дальновидных предвестников, проповедывавших необходимость отбросить старые методы замалчивания и клеветы, как непригодные в новой обстановке, и замену их более совершенными. Как по сигналу, буржуазная печать заговорила о достижениях индустриализации и коллективизации в СССР, о выполнении пятилетки, о новом грозном конкуренте, появившемся вдруг на белом пятне географической карты.

Вся изобретательность буржуазных писак мобилизована была в другом направлении: не преуменьшая уже достижений нашего социалистического строительства, отрицать которые сегодня уже немислимо, доказать всеми средствами, что оно не есть строительство социалистическое, а что оно является лишь формой организованного государственного капитализма—это, во-первых; что колоссальное развитие промышленной базы в СССР становится серьезной опасностью для всей капиталистической промышленности—это во-вторых. СССР, выступая как опасный конкурент на мировом рынке, углубляет еще более кризис производства, переживаемый всей капиталистической промышленностью. Тем самым рост СССР вызывает как прямое следствие рост безработицы в капиталистических странах (борьба с СССР — борьба с виновником безработицы! СССР — прямой виновник кризиса! и т. д., как это формулирует г-н Пуанкарэ).

С другой стороны, сам этот рост и его невиданные в истории темпы осуществимы лишь благодаря принудительному труду. «Сверхкапитализм» в СССР большевики строят на костях рабочих.

Вся эта смехотворная философия интервенции излагается сейчас открыто на столбцах буржуазной печати. «Объективные» столбцы о головокружительном росте промышленности СССР, сменившие недавние бредни о кризисе и упадке, служат в этом контексте средством для мобилизации масс на войну против СССР,

грозного грядущего конкурента «родной» промышленности и мнимого виновника растущего кризиса и безработицы.

Однако прямые призывы к войне с СССР, даже в такой «усовершенствованной» форме, все же не встречают желательного отклика в массах. Для успешной подготовки интервенционистских настроений в широких массах трудящихся, которые смотрят на СССР, как на путь к своему раскрепощению, мировой буржуазии необходима замаскированная агентура в недрах рабочего класса, задачей которой является обернуть на пользу фашизма симпатии масс к СССР. Задача трудная и требующая исключительной ловкости рук.

К трудящимся массам Запада и Востока не подойдешь уже сегодня с открытым лозунгом войны с СССР. Перед каждым, кто желает заручиться их доверием, массы эти прежде всего ставят ребром кардинальный вопрос: «За, или против СССР». Новая социал-фашистская агентура буржуазии, чтобы обеспечить себе влияние на массы и повести их впоследствии за собой, принуждает во всю глотку кричать «За!»... Перелистывая страницы зарубежной буржуазной печати и изданных за последнее время книг об СССР, неискушенный читатель мог бы притти к заключению, что у нашего пролетарского государства на сегодняшний день больше друзей, чем врагов. Но достаточно поскрести немножко этих «друзей», как из-под тонкого поверхностного слоя горячих советских симпатий появится фашистский крест.

Буржуазные газеты и журналы кишат «сведениями» об СССР. Книжные полки буржуазных магазинов пестрят книгами, посвященными Советскому Союзу. Лозунг этой новой эссеромании выставлен на бандероли новой книги господина де Монзи, посвященной СССР: «Раз он продолжает существовать, изучим его!»

Буржуазный французский писатель Пьер Доминик побывал в СССР в прошлом году. Результатом его путешествия является объемистая книга в 300 с лишним страниц, под обещающим заголовком «Да, но Москва...», позволяющим ожидать защитительной речи в пользу оклеветанной Москвы. И действительно, на 300 страницах г-н Доминик восторгается советской системой, конституцией советского государства (изложенной им очень подробно), достижениями СССР и, наконец, авангардом советского пролетариата — большевистской партией.

В своей оценке советской действительности он идет по стопам Дюамеля. Подобно Дюамелю, он подчеркивает прежде всего на каждом шагу своеобразие «русского народа», его психологии, своеобразие самой страны, азиатской, не похожей ни на одну из европейских стран. Из этих всех своеобразий вытекает, естественно, и своеобразный путь развития (пролетарская революция) и своеобразный государственный строй, необходимый и спасительный для СССР, но не соответствующий духу западных народов. Г-н Доминик с особой настойчивостью подчеркивает низкий культурный уровень трудящихся масс народов СССР и их своеобразные психологические черты: инертность, неторопливость, предельную лень. Те места его

книги, где он изображает советскую массу, изобилуют сравнениями со стадом, с безвольным инертным скотом, который кнутом кадо гнать по пути прогресса. По сравнению с советскими трудящимися — бескультурной чер-

Гьер Доминик.

ню, западный рабочий и крестьянин — это настоящие патриции.

«Дрожжами, заставляющими подниматься это тесто, является партия. Она иногда принуждена погонять это стадо кнутом, но это именно потому, что здесь мы имеем дело с настоящим стадом».

Пролетарская революция была для этого народа исторической необходимостью, и единственно партия большевиков, партия лучших из лучших, партия людей, полных самопожертвования («нечто вроде подвижников»), могла заставить это стадо нагнать в несколько лет века отсталости и строить то великое дело, которое они строят. Без диктатуры «лучших в народе», без диктатуры партии все сегодняшние достижения СССР были бы невысказаны.

В рамках этих оговорок о специфике «славяно-азиатской» расы («древняя татарская кровь») Доминик на 300 страницах поет оду достижениям СССР во всех областях и энергично расправляется со всеми клеветниками на советский строй. Этот строй, по мнению Доминика, крепок и незыблем, и на падение его рассчитывать не приходится. Доминик отмечает краеугольные камни его незыблемости. Это: 1) «сильная власть, напоминающая власть Петра великого, причем у нынешнего царя миллион голов. Эта власть — не власть одного человека, а целой партии, — тем более незыблема, что у нее есть свое мировоззрение». 2) «Власть эта опирается на федерацию народов, которую мог осуществить и умный царь». 3) «Эта власть — социалистическая». Правда, по утверждению г-на Доминика, социализм ее, опять-таки, своеобразный, азиатский, «совершенно не соответствующий гипотезам Маркса» и «не имеющий с марксизмом ничего общего».

Могут ли продолжать существовать бок о бок

две системы: капиталистическая и советская? Вопрос весьма важный, если считать, что на крах советской власти надеяться нечего. По г-ну Доминику, можно предположить пять различных возможных развязок:

1) «Можно объявить войну Советам и разрушить силой их хозяйство, их федерализм и их партию, либо восстановив прежнюю монархию, либо создав единую демократическую республику, либо оторвав от СССР Украину, Грузию и т. д.».

2) «Советы сами могут объявить войну и попытаться силой водворить свои три принципа: а) социалистическое хозяйство, б) федерализм, готовый объединить все народы Европы, какие только будут согласны переменить столицу, в) диктатуру партии».

3) «Можно применить блокаду Советов в надежде или сломить их и изменить их внутренний строй (см. 1-я возможная развязка), или просто в надежде изолировать их, отрезать от мира и во всяком случае лишить их возможности вести пропаганду. Это — политика колючей проволоки».

4) «Можно предположить медленную эволюцию западных демократий к советской системе. Социализуясь постепенно, демократии эти осуществили бы в конечном счете европейскую федерацию, парламенты бы отказались от власти в пользу либо индивидуальной диктатуры, либо диктатуры партии».

5) «Можно предположить, наоборот, противоположную эволюцию самих Советов. СССР постепенно централизуется, т. е. в силу вещей начнет руссифицировать свои народы, или же расколется на шесть наций, или же растворится в европейской федерации, или в Лиге наций — все это ведет к одному: Советы превратятся в демократию, и буржуазный дух возродится из своего пепла».

Первый из этих возможных путей, путь вооруженной интервенции, испробованный в 1918—1921 гг., отвергнут, как непригодный (г-н Доминик притворяется, что забыл о процессе Промпартии).

От второго пути, испробованного будто бы Советами в 1920 г., СССР отказался, по мнению Доминика, со времени рижского мира. Опасаться нападения со стороны СССР не приходится.

Третий путь, завершением которого является последняя кампания против советского псевдодемпинга, тоже оказался несостоятельным. Буржуазия, по мнению Доминика, проявляет тенденцию отказаться от своей политики «колючей проволоки» по отношению к СССР.

Возможны и реальны, по мнению Доминика, лишь две последние гипотезы, и не какая-либо из них, а обе одновременно.

«Запад социализуется понемногу и стремится к идее федерации, в то же время демократия всюду как бы постепенно отмирает, уступая место диктатуре, либо индивидуальной (примеров можно привести множество), либо партийной. С другой стороны, что касается СССР, то, если он не обуржуазился еще полностью, тем не менее нельзя отрицать, что он отказался от чистого коммунизма, его национальные составные части определяют все четче и становятся все национальней, наконец

благодаря всеобщему обучению советская власть с каждым днем понемногу уменьшает вес партии, увеличивая удельный вес массы и стремится таким образом к своеобразной демократии, лишенной впрочем верхушки и подчиненной руководству советской власти.

«Так в трех пунктах обе системы обнаруживают стремление к встречному развитию».

Своеобразные выводы, к которым приводит читателя панегерическая книжка Доминика о СССР, более чем поучительны. По сравнению с Дюамелем и предлагаемыми им методами борьбы с коммунизмом и с СССР, Доминик дает куда более совершенную и разработанную систему. Доминик заимствовал у Дюамеля основные установки о специфическом пути развития России, отнюдь не обязательном для западных цивилизованных народов, и уснастил их соответствующей порцией демагогии по адресу трудящихся масс Запада, которые, представляя собой «рабочий и сельский патрициат», к социализму, естественно, придут не тем путем, который хорош и необходим для русской «черни», а совершенно особым путем, достойным «цивилизованных» народов.

(Кстати, насколько эти новые приемы интернациональны, показывают хотя бы высказывания вождя испанской буржуазной интеллигенции Дона Мигуэля де Унамуно, заявившего не так давно, что «испанский пролетариат не вытерпел бы так называемой диктатуры пролетариата».)

Этот особый путь, которым рабочие Запада придут к тем же осуществлениям, какие советскому рабочему дала пролетарская революция, указывается г-ном Домиником весьма ясно: это путь ликвидации так называемой «демократии» и отказа от власти парламентов в пользу индивидуальной диктатуры, или диктатуры партии (конечно, фашистской).

Таким образом, современный социал-фашистский идеолог, учитывая симпатии масс к СССР и советскому строю, пытается эти симпатии использовать ловко, как двигатель фашизации буржуазных «демократий», пытаясь убедить массы в географической и исторической обусловленности пути пролетариата СССР и убедить их, что западный рабочий к той же конечной целевой точке может прийти только путем фашизма.

Бруно Ясенский

Жорж Дюамель совершает экскурсию в прошлое

Жорж Дюамель не получил удовлетворения от путешествия в страны будущего — Россию и Америку¹. Тогда взоры его обратились к странам прошлого — к маленьким государствам Европы, где больше всего сохранились черты патриархальных отношений разных ступеней капитализма. «Сердечная география Европы»² — результат этого путешествия в страны прошлого, которые, однако, для Дюамеля вовсе не

¹ См. в № 1 «Литература мировой революции» (1932) статью «Две экскурсии Жоржа Дюамеля в будущее».

² Georges Duhamel, «Géographie cordiale de l'Europe», «Mercure de France». Paris. 1931 г.

Рис. Ф. Мазарееля

являются безвозвратно умершим вчерашним днем.

Как типичный представитель мелкобуржуазной, индивидуалистической интеллигенции, Дюамель твердо придерживается проводимого им ранее взгляда об особенном пути развития Европы, которая, минуя Сциллу американизма и Хариду коммунизма, создает высокий тип цивилизации, основанный на мирном, свободном и всестороннем развитии личности. По мнению Дюамеля, перед Европой стоят особенно высокие задачи.

«Я бы хотел, чтобы Европа сохранила твердые и моральные устои, которые диктуются ее положением на карте. Европа чересчур смотрит на Запад. Пусть между Америкой и Азией она останется страной внимательного равновесия, разумной меры, страной, где наука и мудрость могут еще украсить прекрасный ум» (стр. 79).

В предисловии к своей книге Дюамель отвечает критикам, которые по поводу его путешествия в Америку ставили ему в упрек отрицание пользы промышленного развития, обвиняли его в стремлении к возврату к варварству первобытного существования. Дюамель опровергает подобные обвинения, говоря, что «вернуться к природе можно было бы теперь только на автомобиле» (79), но это не мешает ему лишним раз подтвердить свой взгляд на американскую культуру, как на такую, которая ведет к упадку «истинной (в понимании Дюамеля) цивилизации».

По мнению Дюамеля, рост материального богатства данного народа мешает его духовному развитию.

«Что касается меня, я далек от того, чтобы радоваться известной форме материального благополучия народов, я слишком ясно вижу, как оно растет в ущерб духу» (71).

«Я совершенно точно говорю, что слишком необычное материальное благополучие рискует отвлечь нацию, даже великую и разумную, от тех великих раз-